

Михаил Ковалев

МЕЖДУ ПОЛИТИКОЙ И ИДЕОЛОГИЕЙ:

МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПАМЯТИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
1920–1940 ГОДОВ¹

УДК
93/94

The author deals with peculiarities of the Russian emigrants; forms and means of the cultural memory preservation and creation of the ideal past models. The Russian communities abroad were transformed by a new social experience that had impact also on the culture of memory. The very expulsion brought about creation of a new, often idealized image of Russia, its people and culture and re-thinking of their own historical experience. Every educated person in emigration sought to create a new image of Russia that would satisfy him or her. The Russian exiles looked for 'points of memory' around that the emigrant identity could jell. At the same time the recollections of the past served as the stage for ideological and political clashes.

Ключевые слова: зарубежная Россия; историческая память; политический миф; идеология.

Key words: Russia Abroad; historical memory; political myth; ideology.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Германского исторического института в Москве в рамках стипендии по теме «Интеллектуальные миграции в Европе в 1920–1930-е гг.: опыт сравнительного социально-антропологического изучения» (2011).

**ДИАСПОРА, ПАМЯТЬ
И ИДЕНТИЧНОСТЬ**

За последние десятилетия мировая гуманитарная наука пережила настоящий всплеск интереса к феномену исторической памяти. В разных странах мира появилось множество исследований о том, как обще-

ство конструирует свое прошлое. Сама историческая память прочно вошла в жизнь современного человека, находя отражение и в массовой, и в элитарной культуре, она вторглась в самые разнообразные области человеческой жизни, «пронизывая культуру часто весьма неожиданными способами»².

В настоящее время литература о феномене индивидуального и коллективного исторического сознания, о соотношении памяти и истории, о воссозданиях образов прошлого многообразна. Предлагаемая статья, однако, не является простой данью научной моде. Она основана на некоторых размышлениях об особенностях интеллектуальной культуры русской эмиграции, о тех факторах, которые влияли на формирование в среде диаспоры представлений о прошлом. Эта работа является всего лишь скромной попыткой взглянуть на то, как общество, оказавшееся в условиях глобальных потрясений, которые сопровождаются еще и кризисом исторической идентичности, пытается проанализировать свой исторический опыт. Задача эта остается актуальной и для нашего непростого времени.

Российская история XX века оказалась наполненной множеством драматических, переломных событий, одним из которых, безусловно, является массовая эмиграция после революции 1917 года и Гражданской войны. Всякое изгнание за пределы отечества лишь обостряет незримую духовную связь с ним, которая усиливается по мере осознания невозможности возвращения. Когда речь идет об исходе десятков, а то и тысяч людей, то раздумья о Родине приобретают уже не только индивидуальный, но и коллективный характер. Так же как память о ее прошлом. Но что и как формировало историческую культуру русской эмиграции? Каким образом осуществлялось взаимодействие политики, идеологии и исторической памяти в ее жизненных практиках?

Необходимо признать, что идеологический фактор играл в истории Зарубежной России значительную роль. Отличительной чертой русского исхода стала его политическая основа: свое отечество покинули те,

² McGill A. *History, Memory, Identity // History of the Human Sciences*. 1998. Vol. 11. №3. P. 38.

кто так или иначе не принимал большевизм. Понятно, что степень вовлеченности в политическую жизнь сильно различалась как у разных эмигрантских групп, так и у отдельных их представителей. Но споры о путях развития России, вызванные желанием понять пережитые исторические события и оценить грядущие перспективы, неизменно связывали науку и идеологию, историю и политику. Это связь не всегда была явной и легко уловимой. Следует согласиться с мнением Г.С.Кнабе, что «каждая эпоха открывает в прошлом прежде всего то, что резонирует в тон с ее общественным и культурным опытом и потому было скрыто от прежних поколений – у них был другой опыт, и они задавали прошлому другие вопросы»³. Для многих русских изгнание актуализировало споры об исторических путях России и породило новые формы культурной памяти.

Французский социолог М.Хальбвакс отстаивал идею социальной обусловленности коллективной и индивидуальной памяти. Он говорил о существовании социальных рамок, без которых невозможно складывание и сохранение представлений о прошлом. И эти рамки нельзя просто свести к датам и именам, ибо они представляют «течения мысли и опыта», в котором человек находит свое прошлое⁴. Историческая память русской эмиграции могла выстраиваться как вокруг отдельного человека, так и вокруг социальной группы. Таким образом формировались индивидуальные и коллективные представления об истории, которые в реальности были неразрывно связаны. Но во всех случаях эти представления складывались под воздействием социальных рамок. Поэтому даже память о прошлом одного конкретного человека определялась его вовлеченностью в социальные группы, начиная от семьи и заканчивая национальной общностью. В случае Зарубежной России можно говорить как о памяти диаспоры в целом, так и о памяти военных и ученых, либералов и консерваторов, детей и взрослых и др. Помимо общих представлений, характерных для всей диаспоры, у каждой из этих групп была своя память о России и ее истории. Это вполне отвечает высказанной М.Хальбваксом идее о том, что каждая социальная группа по-своему конструирует прошлое в соответствии со своим собственным опытом. В результате этого «внутри каждого сообщества развиваются оригинальные коллективные памяти, хранящие в течение некоторого

³ Кнабе Г.С. Дialeктика повседневности // Вопросы философии. 1989. №5. С.31.

⁴ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С.29.

времени воспоминания о событиях, имеющих значение только для них, но тем более касающихся их членов, чем их меньше»⁵.

Б.Андерсон, ставший ныне признанным классиком гуманитарной науки XX в., ввел когда-то в оборот термин «воображаемые сообщества» (*imagined communities*). Он использовал его для описания феномена нации, которая представлялась ему как неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное политическое сообщество. Оно воображаемо потому, что его члены никогда не будут знать большинство своих соотечественников, встречаться или видеться с ними. В то же время в умах каждого из них живет образ их общности⁶. Даже вольное заимствование термина английского историка позволяет использовать его для описания российской эмиграции 1920-х – 1930-х годов. Зарубежная Россия не имела своих границ, поскольку эмигранты были рассеяны по всем странам и континентам. Состав ее населения был необычайно пестрым и социально (от неграмотных казаков до академиков), и политически (от социалистов до фашистов). Элементами единства для эмигрантов, позволявшими вообразить себя единым сообществом, служили русский язык, религия и вера в особую культурно-историческую миссию. Не меньшее значение для русской диаспоры, как для любого духовного объединения, имела идея общего прошлого.

Исследования современных психологов показывают, что память формирует основу для наиболее прочных представлений человека о самом себе⁷. К этому можно добавить неоспоримое утверждение, что индивидуальность субъектов выражается посредством истории. С точки зрения немецкого историка Й.Рюзена, воспроизведение прошлого является для человека необходимой культурной рамкой, поскольку оно (воспроизведение) открывает будущую перспективу, основываясь на опыте минувшего⁸. Такая история, разделяемая представителями той или иной общности людей как часть коллективного прошлого, составляет основу групповой идентичности⁹. Вполне закономерно, что в такой

⁵ Там же. С.41.

⁶ Андерсон Б. *Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма*. М., 2001. С.30–31.

⁷ Schacter D.L. *Searching for Memory: The Brain, the Mind and the Past*. N.Y., 1996. P.7.

⁸ Рюзен Й. *Утрачивая последовательность истории // Диалог со временем*. М., 2001. Вып.7. С.12.

⁹ См.: Люббе Г. *Историческая идентичность // Вопросы философии*. 1994. №4. С.111; Репина Л.П. *Культурная память и проблемы историописания (историографические*

ситуации культурная память, охватывающая разнообразные формы обращения к истории, создает образ коллективного прошлого и начинает выполнять объединительные функции.

Состав коллективной памяти эмигрантов зависел от многих, в том числе субъективных и эмоциональных аспектов. Учеными замечено, что в истории человек ищет подтверждение собственных ожиданий и предпочтений, что нередко стирает границу между реальной и вымышленной картиной событий¹⁰. Диаспору, как и любую социальную группу, волновал вопрос о том, что нельзя забывать. Сбережение памяти о минувшем было связано с необходимостью сохранения национальной идентичности в условиях жизни в чужой культурной среде.

Толкование термина «идентичность» в современной науке чрезвычайно разнообразно. Но здесь ее можно определить как историческую индивидуальность, отмеченную принадлежностью к группе и определенной системе ценностей¹¹. Прав немецкий философ Г.Люббе, заметивший в 1977 году, что идентичность принадлежит истории, то есть она является «результатом самосохранения и развития субъекта в условиях, которые случайным образом связаны с основанием его сиюминутного стремления»¹². Эмигрантская идентичность представляла собой изменчивую, динамическую систему, выстроенную из реальных и придуманных образов, в которой сочетались преемственность и новации. Речь идет о принадлежности к диаспоре и эмигрантскому самосознанию, которое опиралось на общую систему символов и вырастал из общего прошлого. Для русской диаспоры преемственность заключалась в ориентации на код дореволюционной культуры, а новации были вызваны переосмыслением исторического пути России под воздействием Первой мировой войны, революции, гражданской войны и изгнания. Эти переломные события раскололи русское общество, видоизменили жизнь каждого его представителя, нарушили привычный ход жизни. Они отразились и на культуре памяти о прошлом. В частности, эмигранты пытались переосмыслить исторический опыт Запада в свете Пер-

заметки). М., 2003. С.22; Ассман Я. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М., 2004. С.17 и др.

¹⁰ Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. *История исторического знания*. М., 2004. С.19.

¹¹ Мирзеханов В.С. *Мерцания идентичности // Индивидуальное и коллективное в истории*. Саратов, 2004. С.52.

¹² Люббе Г. *Указ. соч.* С.112.

вой мировой войны, воспринимавшейся как кризис европейской цивилизации. Показательно мнение одного из евразийских вождей князя Н.С.Трубецкого, отметившего, что «война смыла белила и румяна гуманной романо-германской цивилизации, и теперь потомки древних галлов и германцев показали миру свой истинный лик – лик хищного зверя, жадно лязгающего зубами»¹³. Революция 1917 года осознавалась немалым числом эмигрантов как явление внешнее и чуждое русскому духу. Поэтому важно было найти в прошлом убедительные доказательства того, что Россия не Европа, и доказать ошибочность и гибельность западного пути. Само изгнание привело к созданию нового, часто идеализированного образа России, ее народа и культуры и переосмыслению их исторического пути. Как отметила болгарский литературовед Г.Петкова, «вектор русской эмигрантской культуры первой волны [был] направлен на повышенную рефлексию по поводу природы национального и судеб собственной русскости»¹⁴. Но одновременно эмигрантская среда стала благодатной почвой для зарождения и развития разнообразных политических мифов, базовой основой которых почти всегда становилась российская история. Эти мифы наглядно отражали в себе состояние политической культуры русской диаспоры и ее исторического сознания. Как уже неоднократно подчеркивалось в этой статье, человек отбирает в прошлом те сюжеты, которые связаны с его настоящим. Поэтому историческое сознание формируется под влиянием представлений, актуальных для современности. Не случайно израильская исследовательница Я.Зерубавель сравнила историческую память с маятником, который находится в бесконечном движении от исторических источников к современным проблемам и от современности обратно к свидетельствам прошлого, стремясь при этом объединить их между собой. При этом память постоянно меняет трактовку событий прошлого, «выборочно подчеркивая одни эпизоды, затушевывая другие, принося какие-то новые штрихи»¹⁵.

¹³ Трубецкой Н.С. *Наследие Чингисхана*. М., 2000. С.330.

¹⁴ Петкова Г. *Металитературный проект П.М.Биццлли: между Салимбене и Пушкиным (опыт реконструкции)* // *Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике*. 2007. Praha, 2007. С.116.

¹⁵ Зерубавель Я. *Динамика коллективной памяти* // *Ab Imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве*. 2004. №3. С.76.

**ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ
И КОНСТРУИРОВАНИЕ
ПРОШЛОГО**

Знаменитый американский историк М.Раев, как никто другой, ярко охарактеризовал особенности эмигрантского исторического сознания. Многим изгнанникам казалось, буд-

то на их глазах рушится не просто русская государственность, но все устоявшиеся обычаи и традиции, разрушается сама душа русского народа. Поэтому каждый образованный человек в эмиграции стремился создать новый, удовлетворяющий его образ России: «Естественным в таких условиях было обращение к былому, поиск там таких тенденций, которые, казалось бы, обещали другой вариант развития событий»¹⁶. Для русской диаспоры образы минувшего служили социальными, пространственными и временными ориентирами, ведь они содержали в себе представление о потерянной Родине. Бегство в прошлое должно было не только излечивать душу, но пробуждать чувство национальной гордости. На первый план выходил культ выдающихся исторических деятелей, «великих строителей России», «зодчих русской культуры», как называли их сами эмигранты. Их образы становились своего рода «идеальными типами», призванными служить моральным примером для современников. Петр Великий выступал символом государственности, Сергей Радонежский – духовности, а А.С.Пушкин – символом всей российской культурной традиции. На заседании Русского научного института в Белграде 12 февраля 1930 г. историк Е.Ф.Шмурло заявил перед собравшейся аудиторией: «В чествовании памяти великих людей... затаен некий глубокий смысл... Смерть может вырвать большого человека из нашей среды, лишить тех благ, какие связаны были с его существованием; но смерть не в силах отнять у нас память о таком человеке, и чем больше он поработал на своем веку, чем благотворнее его духовное наследие, тем эта память ярче, проникновеннее и... благодарнее»¹⁷. Это изречение демонстрирует, что культ великих исторических деятелей был призван вселить надежду в возрождение России, найти в ушедших эпохах идеальные типы, достойные подражания современников. Чаяния эмигрантов наглядно подтверждают слова П.Б.Струве о

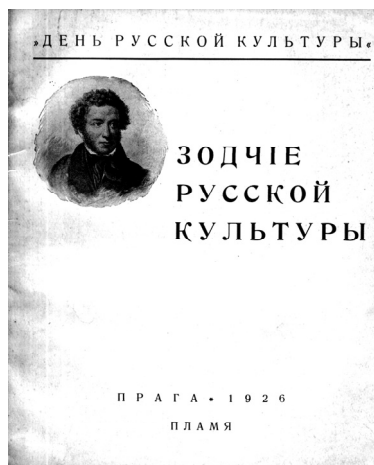
¹⁶ Раев М. *Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939*. М., 1994. С.198.

¹⁷ Шмурло Е.Ф. *С.М.Соловьев // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1930. Вып. I. С.279.*

том, что «Россию спасут и воскресят Дмитрий Донской и Сергей Радонежский, Петр Великий и Пушкин»¹⁸.

Современные российские ученые вслед за своими западными коллегами рассматривают историческую память как сложный социокультурный феномен. По словам Л.П.Репиной, историческая память как осмысленное отношение к прошлому представляет собой один из каналов передачи исторического опыта и в то же время является важнейшей составляющей самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, источником самосознания и самоопределения. Если индивидуальная память основана на лично прочувствованном и пережитом человеком жизненном опыте, то коллективная память – на сохранении и осмыслении исторического опыта всего общества¹⁹.

История должна была служить инструментом связи поколений. Эту ее функцию особо подчеркивали представители старшего поколения, боявшиеся быстрой денационализации русской молодежи за рубежом. Они были убеждены, что с потерей своего языка и своей истории терялась не просто эмигрантская идентичность, но сама вера в возрождение России и возвращение в нее. Поэтому столь важное значение придавалось преподаванию истории детям и молодежи в эмигрантских средних и высших школах. Профессиональные историки активно участвовали в формировании исторического сознания диаспоры, в создании нового образа России и конструировании памяти о ее прошлом. Некоторые из них написали специальные учебники, учебные пособия и лекционные курсы (Г.В.Вернадский, Е.Ф.Шмурло, Л.М.Сухотин, А.К.Елачич, Н.П.Оттокар, П.М.Бицилли и др.). Эти работы, как, впрочем, и научно-исторические сочинения вообще, не были достоянием лишь узкой научной корпорации. Несмотря на то, что научные рабо-

Обложка сборника «Зодчие русской культуры» (Прага, 1926)

¹⁸ Струве П.Б. *Дневник политика (1925–1935)*. М.: Париж, 2004. С.78.

¹⁹ Репина Л.П. *Культурная память и проблемы историописания*. С.10; Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. *Указ. соч.* С.11.

ты всегда ориентированы на узкий круг читателей, исторические труды встречали живой отклик в эмигрантской среде. Это можно объяснить не просто высоким интеллектуальным уровнем русской диаспоры, но и стремлением к популяризации научных знаний. Достаточно взглянуть на многочисленные статьи А.А.Кизеветтера в русских зарубежных газетах, чтобы понять, как велико было количество работ, ориентированных на широкую публику. Русские историки следовали устоявшейся еще до революции традиции публиковать свои исследования в «толстых журналах». Парижские «Современные записки» или берлинский «Голос минувшего на чужой стороне» изобиловали историческими материалами. Круг читателей у таких изданий был широк и интерес к публикациям огромен. Поэтому среди эмигрантов можно найти не так много людей, писавших для «чистой» науки. Даже столь академичные авторы, как В.А.Францев, И.И.Лаппо, Е.Ф.Шмурло, периодически печатали свои статьи в газетах и журналах. Нельзя сбрасывать со счетов и роль эмигрантской литературы, которая также выражала в себе определенное понимание российской истории. Спрос на такие произведения был достаточно велик, и у всех них был свой читатель. Это легко объясняет популярность в эмигрантской среде романов либерала М.А.Алданова и монархиста П.Н.Краснова одновременно. М.Раев обратил внимание на особый психологический настрой русских эмигрантов. На их глазах произошли столь глобальные исторические потрясения, что осмыслить их было очень трудно. Еще сложнее было понять истоки этой катастрофы, осознать ее глубинные причины²⁰. Поэтому многие эмигранты старались в своих размышлениях о России все больше уходить от современности, искать в русской истории идеальные типы. Воспитанные в эпоху «постромантического национализма», они стремились «отмечать в прошлом прежде всего те черты, которые всегда были характерны для русского народа, его культуры, объясняли его историческое развитие»²¹. Иначе говоря, они искали особые «места памяти», символические исторические образы, которые, согласно мнению французского историка П.Нора, свидетельствуют о других эпохах и пробуждают ностальгические воспоминания. В таких «местах» память кристаллизуется и находит себе убежище, а образы минувшего объединяются, чтобы служить различным политическим, социальным или личным целям в настоящем. Причем символическое значение этих образов может меняться в зависимости от контекста употребления. В сознании эмигрантов формиро-

²⁰ Раев М. Указ. соч. С.202.

²¹ Там же. С.198.

вался идеализированный образ потерянной Родины. Налицо была переживаемая ими ностальгия, которая усиливалась по мере осознания невозможности вернуться назад²². Идеализация прошлого вовсе не означала примирения с дореволюционным политическим строем, критиками которого в той или иной мере было немало русских эмигрантов. Они лишь стремились найти в истории те идеальные или материальные объекты, которые могли напомнить о России и внушить гордость за нее. Поэтому, например, рождалось желание заполнить свое жизненное пространство символическими предметами: русскими книгами, иконами, фотографиями. Правда, иногда такое стремление носило явно показной характер. Так, П.Б.Струве, который проделал удивительную эволюцию от марксизма к монархизму, демонстративно разместил на видном месте в своей пражской квартире портрет Николая II и трехцветный национальный флаг²³.

В ПОИСКАХ ИДЕАЛЬНОГО ПРОШЛОГО: ДРЕВНЯЯ РУСЬ И МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО

Несмотря на вовлеченность широких кругов эмиграции в споры о российской истории, создание новых мемориальных конструкций было все же уделом интеллектуалов.

Конструирование прошлого зачастую осуществлялось вокруг особых «мест памяти». К ним относилась, в частности, Древняя Русь. В ее истории одни авторы пытались найти доказательства своих политических концепций, другие на ее примере пытались разглядеть характерные черты российской цивилизации. Образы древнерусских князей часто романтизировались и героизировались, их считали первыми российскими патриотами и государственниками. Если в Ольге традиционно видели образец благоверной княгини, первой христианки, то Святослава стали называть одним из первых «домостроителей» Российского государства. Особенно привлекательной была фигура Владимира Святого, чей культ активно поддерживали правые круги эмиграции, сконцентри-

²² Под ностальгией здесь понимается влечение к реальному или предполагаемому прошлому. Американский историк А.Мегилл выделил различия между ностальгией и памятью: «Ностальгия внешне ориентирована от предмета (от субъекта, индивидуума, группы), сосредотачивая внимание на реальное или предполагаемое прошлое, память ориентирована к предмету и касается реального или предполагаемого прошлого только потому, что прошлое расценивается как важное для предмета...» (Megill A. Op. cit. P.45).

²³ Лосский Б.Н. В русской Праге (1922–1927) // *Минувшее: Исторический альманах*. М.: СПб., 1994. Т.16. С.12.

рованные главным образом в Белграде. Они отстаивали идею нового исторического праздника – Дня русского национального сознания в честь Святого князя Владимира, который следовало отмечать 28 июля.

Программа празднования Дня русской культуры. Париж, 9 июня 1929 года

Это торжество они хотели противопоставить широко распространенному в эмигрантских кругах Дню русской культуры с символической фигурой А.С.Пушкина во главе, который широко праздновали во всех уголках русского рассеяния с середины 1920-х годов. Правые же «утверждали, что Пушкинский день задуман масонами, либералами и безбожниками, которые несут главную ответственность за революцию и поражение Белой армии в гражданской войне»²⁴. Князь Владимир воспринимался в монархической среде как православный идеал государя и духовный отец русского народа. Его почитание должно было призвать эмиграцию к осознанию «великих начал пути русского народа и к подвигу верности им»²⁵. В 1938 году

Зарубежная Россия отметила 950-летие крещения Руси. К этой дате в Белграде был выпущен сборник статей в честь князя Владимира со вступительным словом митрополита Анастасия²⁶. Однако демарш белградских монархистов не встретил широкой поддержки, и им так и не удалось, несмотря на усиленные попытки, обосновать главенствующее положение князя Владимира в российской исторической памяти.

Поэтому не стоит думать, что в эмигрантской интеллектуальной среде бытовало однозначное восприятие Древнерусского государства. Показательно противоречивое отношение к последнему евразийцев, отразившее в себе их цивилизационные и политические воззрения. Г.В.Вернадский подчеркивал евразийский облик Киевской Руси, акцен-

²⁴ Раев М. Указ. соч. С.122–123.

²⁵ Сборник в память Святого Равноапостольного князя Владимира. Белград, 1930. С.9.

²⁶ Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси. Белград, 1938.

тируя внимание на тесных контактах между славянами и кочевниками. Он хотел придать ей восточные черты, находя их в динамике взаимоотношений Леса и Степи. В то же время другие евразийцы считали Киевскую Русь европейским государством, сущность которого противоречила евразийской логике. В их желании доказать европейский характер Киевской Руси и внутренние причины ее падения французская исследовательница М.Ларюэль увидела стремление евразийцев датировать рождение подлинной России временем монгольского владычества²⁷. Она показала, что восточные древности были «первейшим элементом евразийского универсализма». Евразийцы обращались к романтической историографии, которая искала в славянских древностях предвестника славного будущего. Тем самым они словно устанавливали мифическую преемственность между славянами и великими восточными цивилизациями²⁸.

Осмысление монгольского фактора в отечественной истории сделалось предметом острых споров. Большинство эмигрантов, в противовес евразийцам, продолжало стоять на традиционных позициях, видя в монгольском завоевании прерывание естественного пути развития русской государственности, объясняя им дальнейшие изломы российской истории. Но не совсем верно считать, что евразийцы идеализировали само монгольское нашествие. Ключевым в их концепции было понятие системного кризиса Древнерусского государства накануне вторжения завоевателей²⁹. Погрязшая в усобицах Русь не могла бы противостоять вторжениям ни западноевропейских крестоносцев, ни монгольских кочевников и была обречена на завоевание. Г.В.Вернадский подчеркивал, что Русь «могла погибнуть между двух огней в героической борьбе, но устоять и спастись в борьбе одновременно на два фронта она не могла. Предстояло выбирать между Востоком и Западом»³⁰. Даниил Галицкий выбрал Запад, а Александр Невский – Восток. Образы этих князей

²⁷ Ларюэль М. *Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи*. М., 2004. С.196.

²⁸ Там же. С.197.

²⁹ Аналогичный системный кризис, по их мнению, переживала и Российская империя накануне 1917 г. Одной из причин его было отступление политических элит от евразийских начал. Поэтому в глазах евразийцев опыт падения Киевской Руси должен быть поучительным.

³⁰ Вернадский Г.В. Два подвига Святого Александра Невского // Вернадский Г.В. *Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры*. М., 2005. С.244.

привлекли внимание эмигрантов, которые путем постижения их политического опыта пытались осмыслить ситуацию цивилизационного выбора. В своей известной статье «Два подвига Святого Александра Невского», появившейся в 1925 году в «Евразийском временнике», Г.В.Вернадский сравнил жизнь и поступки этих двух знаковых фигур древнерусской истории, последовательно противопоставляя Даниила и Александра. Ошибкой галицкого князя он считал даже не столько желание бороться с монголами, сколько заключение союза с Западом³¹. Александр Невский же осознал западную угрозу. Его выбор был не случайным, а глубоко продуманным и дальновидным политическим ходом. Он совершил два крупных подвига – «подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке», которые имели своей конечной целью «сохранение Православия как нравственно-политической силы русского народа»³². Немецкий историк Ф.Б.Шенк тонко уловил истоки подобного отношения к Александру Невскому в русской эмигрантской среде. Оно объяснялось не только устоявшимся обликом православного благоверного князя, но и тем, что Александр Невский подходил евразийцам в качестве «формы идентификации». В его мифологизированном образе отражались все главные программные установки евразийского учения. Отсюда следовал закономерный вывод, что «Александр с его милитаристской западной и дипломатичной восточной политикой, кажется, уже предвосхитил в XIII в. евразийскую политическую программу»³³.

Эмигранты проявляли также живой интерес к истории Московского царства. Свою роль здесь сыграло и особое место Москвы в русской культурной памяти, ведь даже в императорский петербургский период Москва воспринималась как колыбель российской государственности. К тому же для многих эмигрантов, переживших трагедию революции и гражданской войны, с новой силой встала проблема поиска политического идеала, оптимальной идеи власти. Некоторые из них как раз и попытались найти ее, обратившись к историческим судьбам Московского государства.

Показательно конструирование московского мифа на страницах эмигрантской прессы. В 1928 году историк И.И.Лаппо по предложению консервативного философа И.А.Ильина подготовил для журнала «Рус-

³¹ Там же. С.247.

³² Там же. С.253.

³³ Шенк Ф.Б. *Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000)*. М., 2007. С.259.

ский колокол» цикл статей под общим названием «Великие строители России». Героями своих очерков он сделал видных деятелей православной церкви. Но в один ряд с ними поставил и московских князей, многие из которых, как известно, святостью не отличались. Героизация власти была предпринята И.И.Лаппо осознанно. Перед читателем предстала картина того, как, благодаря «кровному труду» и «ценою лишений и жизненной борьбы», вотчина московских князей превратилась в православное царство, а сами московские правители – в преемников Константина Великого и византийских императоров. Средства достижения политических целей московскими князьями историка не интересовали, ибо результат их деятельности – создание сильного централизованного государства – для него оправдан изначально³⁴.

Идеализация Московского царства ставила своей целью в очередной раз доказать самобытность пути развития России. Эти чаяния отразил в своих интеллектуальных построениях уже упоминавшийся М.В.Шахматов. Он выдвинул религиозно-политическую концепцию «государства правды». Ученому оно виделось «одним из самых ярких выражений стремлений построить отношения между царем и народом на христианских нравственных основаниях»³⁵. В этом государстве и правитель, и народ отказываются от своей собственной воли, подчиняясь воле Божьей, а значит, началам вечности. Высшей точкой развития «государства правды», с точки зрения М.В.Шахматова, было как раз Московское царство. Сама Москва для него «освящена сиянием высших идеалов», ибо в ней «всегда существовал высокий государственный идеал, который давал власти силу и достоинство в глазах народа и сопрягался с исторической действительностью в поворотные узловые моменты русской истории»³⁶.

М.В.Шахматов создавал героический образ власти, который воплощали для него русские «князья-подвигоположники». Он устанавливал прямую зависимость между их деяниями и величием Москвы. Только благодаря благочестивым правителям захолустное Московское княжество смогло превратиться в Православное царство. По мысли историка, основной составляющей «государства правды» было подчинение народа воле правителя, а воли правителя – воле Бога. Иван Грозный непра-

³⁴ Лаппо И.И. *Московские князья-собиратели* // *Русский колокол*. Берлин, 1928. Кн.3. С.40.

³⁵ Шахматов М.В. *Государство правды* // *Евразийский временник*. Париж, 1925. Кн.4. С.293.

³⁶ Шахматов М.В. *Подвиг власти* // *Евразийский временник*. Париж, 1923. Кн.3. С.62.

வில்ныо понял эти идеи и вывел на первый план свое эгоистическое понимание власти, положив начало разрушению основ «государства правды». Апофеозом кризиса стала Смута, выход из которой стал возможен только при восстановлении воли Божьей. Своей концепцией М.В.Шахматов всеми силами пытался доказать идею русской самобытности и ошибочность западного пути. В его представлении, политические нормы на Западе требовали ограничения власти во имя гражданских свобод и порождали нескончаемую борьбу между властью и обществом. В противовес этому, русский политический идеал был основан на симфонии власти и общества: от власти требовались подвиги, а от народа – готовность борьбы за веру, царя и Отечество³⁷.

Однако идеализация Московского государства имела под собой не только политическую, но и религиозную основу. Русская эмиграция 1920-х – 1930-х годов пережила религиозный подъем, особенно заметный на фоне предреволюционного атеизма русской интеллигенции, распространения сектантства и мистицизма. Религиозный ренессанс выражался в расцвете богословской мысли, о чем наглядно свидетельствуют жизнь и труды В.В.Зеньковского, С.Н.Булгакова, Н.М.Зернова и др.

В своих размышлениях эмигранты не могли обойти вниманием наследие знаменитого инока Филофея, с именем которого будет ассоциироваться обоснование особого пути России и ее отход от «"европейских" традиций Киевской Руси»³⁸. Одной из причин внимания к его концепции была переключка ее мессианского пафоса с идеей об особой миссии русской эмиграции. В представлениях эмигрантов прежняя Россия ушла в небытие, у власти в ней утвердился богоборческий антихристианский режим. И только в изгнании сохранялась истинная культурная и религиозная жизнь. Поэтому Зарубежная Россия осознается как истинная Россия, и задача ее состоит в том, чтобы сберечь духовное наследие. Здесь в эмигрантском сознании возникала связь и с другим мифическим концептом – невидимым градом Китежем, воплощавшим в себе бегство от зла мира и устремление в идеальный и потусторонний мир. Образ Третьего Рима был неразрывно связан с религиозным концептом Святой Руси, который получил чрезвычайно широкое распространение в русской зарубежной среде.

³⁷ Там же. С.79.

³⁸ Přihoda M. *Mnich Filofej a Třetí Řím // Kulturní, duchovní a etnické kořeny Ruska: portréty.* Praha, 2009. S.172.

В политической мифологии русской эмиграции судьбы Московской Руси были неотделимы от судеб империи. Эти представления нашли яркое выражение в воззрениях евразийцев. В их любви к Москве было много славянофильского, ибо Москва также воплощала для них русскую самобытность. Именно в московский период определился имперский характер России, выразившийся в стремительном движении на Восток. Их привлекала сильная, авторитарная власть московских князей, ибо она соответствовала их собственным политическим идеалам. Только империя смогла реализовать духовные чаяния русского народа, а московские князья как раз и стояли у ее истоков. Московское царство, которое стало преемником Монгольской империи в деле собирания Евразии, в полной мере реализовало в себе евразийские идеалы.

Но оценки московского периода русской истории были двойственными. Московское царство с его твердой государственной платформой принимало в глазах многих эмигрантов характер стабильной политической системы, а его прошлое приобретало налет идеализации и романтического героизма. В то же время бытовала и критическая оценка, поскольку в представлении эмигрантов это царство ассоциировалось с господством церкви в области культуры и зарождением самодержавия. Воплощением этих негативных элементов была личность Ивана Грозного, чье правление было отмечено жестоким разгромом Новгорода, произволом и жестокостью, опричниной, которая столь живо напоминала о большевиках и красном терроре³⁹.

Это негативное отношение к эпохе Ивана Грозного выразил в своей книге «Святой Филипп митрополит московский» Г.П.Федотов. В ней он сделал наблюдение, важное для понимания всех политических процессов в русской истории. Г.П.Федотов не был склонен представлять народ жертвой Ивана Грозного, но считал его в определенной мере соучастником царских преступлений. Потворство злу не ограничивалось робким молчанием и страхом, но выражалось во всеобщей деморализации: «На ложных доносах люди строили свое благополучие, обогащались имуществом казенных и опальных. Выгоды опричной службы были соблазнительны не только для проходимцев, но и для представителей старого дворянства, даже княжат...»⁴⁰. Обратим внимание на дату выхода книги – 1928 год. В то время как в Париже печатался труд выдающегося русского мыслителя, на его Родине начинался «великий перелом» с коллек-

³⁹ Раев М. Указ. соч. С.216.

⁴⁰ Федотов Г.П. Святой Филипп митрополит московский. М., 1992. С.84.

тивизацией, большим террором, культом личности, выдвижением новой номенклатуры, проходившей тем же путем, какой описал Г.П.Федотов. Получалось, что говорил он не столько о XVI столетии, сколько о XX веке. К сравнению Московского царства и большевистской России философ вернется еще не раз. В его статьях можно найти сравнение сталинской коллективизации, рассматриваемой им как классический вариант русской революции сверху, со временами Ивана IV⁴¹. В формах и методах опричнины он усматривал родство со сталинским террором, а самого диктатора вполне ожидаемо уравнивал с первым русским царем. По его мнению, в революции победили не В.И.Ленин и не М.А.Бакунин, а Иван Грозный. «Сталин и есть перевод его на современность», – заключал Г.П.Федотов⁴². Это же сходство отметил в 1930 году П.Б.Струве, который воспринял коллективизацию как «выкорчевывание крестьянства теми же самыми методами, которыми Иван III и Иван IV "выводили" неугодные им социальные элементы», как «повсеместное истребление русской "земщины"» и насаждение «новой опричнины»⁴³. Поэтому эмиграция пресекала попытки исторической реабилитации царя. Показательна история с книгой Р.Ю.Виппера, в которой делалась попытка оправдать действия Ивана IV сложной внешнеполитической ситуацией⁴⁴. Несмотря на то, что сам автор покинул Россию, среди коллег-эмигрантов появление его книги вызвало острую критику.

Но было бы упрощенным связывать неприязнь к Москве исключительно с фигурой Ивана Грозного. Немалому числу эмигрантов ошибочным казался сам исторический путь Москвы. Одним из них был Н.А.Бердяев. Для него московский период был «самым плохим периодом в русской истории, самым душным, наиболее азиатско-татарским по своему типу, и по недоразумению его идеализировали свобододолюбивые славянофилы». В Московском царстве не было места свободе, поэтому в его «удушливой атмосфере... угасла даже святость»⁴⁵. Его политический режим философ характеризовал как тоталитарный, видя в гипертрофии государства роковую ошибку русской истории⁴⁶. В нем не

⁴¹ Федотов Г.П. *Проблемы будущей России. Сегодняшний день* // Федотов Г.П. *Избранные труды*. М., 2010. С.229.

⁴² Федотов Г.П. *Завтрашний день* // Федотов Г.П. *Избранные труды*. С.518.

⁴³ Струве П.Б. *Дневник политика (1925–1935)*. М.; Париж, 2004. С.530.

⁴⁴ См.: Виппер Р.Ю. *Иван Грозный*. М., 1922.

⁴⁵ Бердяев Н.А. *Русская идея* // *О России и русской философской культуре*. М., 1990. С.45.

⁴⁶ Там же. С.46, 50.

было внутренней целостности, оно не обладало способностью к перерождению. Это заложило основы конфликта между обществом и государством, который и привел, в конечном счете, к революции.

**ИМПЕРАТОРСКАЯ РОССИЯ:
ВРЕМЯ УПУЩЕННЫХ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ**

Эмигранты стали свидетелями гибели Российской империи. Перед ними возникал закономерный вопрос о причинах столь стремительного крушения всего того, что казалось

незыблемым. Это заставляло еще раз переосмысливать весь исторический путь России в XVIII – начале XX в., порождало желание найти в прошлом истоки переживаемых потрясений. Императорский период воспринимался как время упущенных возможностей. Почему Россия не сумела реализовать свой государственный потенциал? Почему империя, создававшаяся на протяжении столетий, столь стремительно рухнула? Где следует искать истоки русской смуты? Закономерно, что представления об императорской России были пропитаны раздумьями о русской революции. Интересным примером таких размышлений служит петровская эпоха, которая всегда была предметом ожесточенных споров в русской общественной мысли. В Зарубежной России полемика не только не затихла, но приобрела новую силу и значимость. Для эмиграции в спорах о петровском наследии тесным образом слились и злободневная проблема взаимоотношений России и Запада, и поиск истоков русской революции.

На фоне сложившегося среди русских изгнанников культа великих людей и героизации прошлого Петр занял одно из ведущих мест. На пражском собрании в честь «Дня русской культуры» в июне 1932 года А.А.Кизеветтер выразил мысль, что образ Петра «закреплен в нашем сознании навеки и его не смогут выкорчевать из нашего сознания никакие, хотя бы самые зловещие, вывихи в ходе нашего исторического существования...»⁴⁷. Образ Петра стал объектом коллективной коммеморации. Во многом этому способствовала 200-летняя годовщина со дня смерти императора, отмеченная в 1925 году русскими изгнанниками в разных частях мира. Эта дата послужила толчком к появлению множества юбилейных изданий. Анонимный автор на страницах пражского журнала «Студенческие годы» метко выразил причину глубокого вни-

⁴⁷ Кизеветтер А.А. Пушкин и Петр Великий: Речь, произнесенная в Праге 7 июня на собрании «Дня русской культуры» // *Россия и славянство. Париж, 1932. №187. 25 июня.*

мания к памяти императора: «Особенно сейчас, в наши дни унижения Нации, разорения и ограбления страны, в дни действия разрушающих сил, яростный образ Петра»⁴⁸. На волне большевистского нигилизма, обесценивания исторического прошлого России и денационализации многие эмигранты увидели в Петре символ сильной государственной власти и патриотизма. Большевистскому нигилизму эмигранты противопоставляли традиции российской государственности, одним из символов которой как раз и был Петр. Большевиков обвиняли в поругании Петровых заветов и разрушении его наследия. Профессор Е.В.Спекторский отмечал, что революция 1917 года отбросила Россию назад, поэтому проблема ее возрождения «превращается в повторение Петрова дела»⁴⁹. Такой император должен был вселять надежду на возрождение России.

Примечательно, что в эмиграции многие прежние критики царя переосмыслили свое отношение к нему. Самым ярким примером, пожалуй, служит кадетский лидер и знаменитый историк П.Н.Милюков, некогда выступавший последовательным критиком царя-реформатора⁵⁰. В 1925 году он опубликовал программную статью, в которой отразилась эволюция взглядов на царя. От развенчания Петра историк пришел к осознанию его огромной роли. П.Н.Милюков воздал должное гению императора, подчеркнул национальный характер реформ, их необходимость и ограниченность⁵¹.

В чем же причина этой идейной эволюции? Немецкий исследователь Т.Бон заметил, что революция заставила П.Н.Милюкова признать значительную роль личности в историческом процессе, что отразилось и на его отношении к Петру. К тому же царь-реформатор «был нужен ему как союзник для укрепления ориентации России на западные демократии, что ставилось под сомнение большевиками и евразийцами», он «мобилизовал русский патриотизм для своих собственных демократических целей»⁵². Действительно, упреки в адрес евразийцев то и дело появляются в тексте статьи П.Н.Милюкова. В заключении он особо подчеркивал неизбежность европейского пути развития для России.

⁴⁸ *Петр Великий // Студенческие годы. Прага, 1925. №1 (18). С.16.*

⁴⁹ *Спекторский Е.В. Петр Великий и мы // Благовест. Новый Сад, 1925. Сб.1. С.55.*

⁵⁰ *См. об этом: Бон Т. Русская историческая наука (1880 г.–1905 г.): Павел Николаевич Милюков и Московская школа. СПб., 2005. С.141–154.*

⁵¹ *См.: Милюков П.Н. Петр Великий и его реформа // На чужой стороне. Прага, 1925. Кн.Х. С.5–28.*

⁵² *Бон Т. Указ. соч. С.154.*

Историк призывал преклонить голову перед Петром и «поблагодарить его от имени многих поколений русской интеллигенции за то, что своей деятельностью он освободил нас от доказательств, что Россия – не Азия, и за то, что его реформа и теперь продолжает служить живым опровержением и защитой от новоявленного русского обскурантизма»⁵³.

У большинства эмигрантов не вызывала сомнения правильность выбранного Петром пути сближения России и Запада. Но в то же время многие из них признавали едва ли не главным отрицательным последствием петровских реформ культурный раскол российского общества. В этом разрыве пытались увидеть глубинные корни русской революции. Правда, одновременно император противопоставлялся большевикам как символ открытости внешнему миру. Недаром на одной из эмигрантских карикатур были изображены Л.Д.Троцкий и царь-реформатор. Маленькая и напыщенная фигура известного революционера явно контрастировала с сильным и мощным обликом Петра. Подпись под рисунком гласила, что Петр «прорубил окно в Европу», а Л.Д.Троцкий «его заколотил»⁵⁴.

Такое же противопоставление между императором и большевиками заметно в другой карикатуре, появившейся в берлинской газете «Руль» в ноябре 1925 года под влиянием сообщений об обветшании «Медного всадника» в Ленинграде. На фоне знаменитого памятника был изображен Г.Е.Зиновьев с всунутыми в карманы руками и папиросой во рту. Ему противопоставлен образ представителя Академии художеств, который укоряет видного большевика: «Следовало бы беречь памятник человеку, который заложил этот

Петр Великий и Троцкий. Петр: «Я прорубил окно в Европу». Троцкий: «А я его заколотил»

Петр Великий и Л.Д.Троцкий. Карикатура.

⁵³ Милоков П.Н. Указ. соч. С.28.

⁵⁴ См.: Русский Берлин. М., 2003. С.336.

город...». Но в ответ слышит: «Экая важность! Мы можем заложить всю Россию!»⁵⁵ Так память о Петре Великом начинала выполнять не только общекультурные, но и политические функции.

Образ Петра Великого, казалось бы, призванный стать объединяющей фигурой для эмигрантов, часто служил орудием в идеологическом соперничестве. Та или иная политическая группа пыталась по-своему мобилизовать память об императоре. Память о Петре была множественной, наполненной различными интерпретациями. Она слишком сильно выражала конфликт идей, разность политических взглядов и оценок и не могла выполнить объединительных функций.

Можно засвидетельствовать, что интерес к петровской эпохе объяснялся не только прочной научной традицией, но и желанием эмигрантов ответить на злободневные вопросы современности, в том числе и на вопрос об истоках русской революции. Иногда это желание приобретало необычный исследовательский ракурс. Многие эмигранты разделяли идею о «запаздывании» русской истории, имея в виду слишком поздние освобождение дворян от обязательной службы, отмену крепостничества, создание парламента, а также искусственное торможение реформ верховной властью. В прошлом они искали такие упущенные возможности. Они пытались понять, что нужно было сделать, или чего не нужно было делать, чтобы избежать революции. История императорской России представлялась как волна реформ и реакции. Но даже к реформаторам, как было показано на примере Петра, отношение было противоречивым. Это правило касалось и Екатерины II. Ее, например, остро критиковали за церковную политику. Особо в этом преуспели неугомиемые евразийцы. Г.В.Вернадский назвал ее церковные преобразования «сокрушительным ударом по всей исторической системе религиозно-нравственного воспитания русского народа»⁵⁶. Свои взгляды историк изложил в популярной лекции «Десница и шуйца императорского периода», прочитанной в начале 1920-х годов в популярном в Праге русском ресторане «Огонек». Историк доказывал, что «основные явления, которые вызвали к жизни... злые силы, приведшие в конце концов к революции, и есть отмена патриаршества и вообще отношение государства к церкви»⁵⁷.

⁵⁵ От Петра Великого к Зиновьеву // Руль. Берлин, 1925. № 1513. 22 ноября.

⁵⁶ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб., 2000. С.243.

⁵⁷ Козляков В.Н. Обзор коллекции документов Г.В.Вернадского в Бахметевском архиве Библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке // Вернадский Г.В. Русская исто-

В декабре 1925 г. русская диаспора за рубежом отмечала сразу два знаковых исторических события – столетие со дня смерти императора Александра I и восстания декабристов. Обе даты, неразрывно связанные между собой, способствовали появлению обширного круга научной и популярной литературы. Юбилеи способствовали пробуждению интереса к истории александровского царствования и к личности самого императора. Его эпоха всегда была и, без сомнения, будет оставаться одной из самых притягательных в российской истории. И дело не только в том, что на первую четверть XIX в. пришлось столь колоссальные подвижки на европейской внешнеполитической арене. Сама личность российского императора, по словам А.Н.Фатеева, была достойна «сюжета шекспировской трагедии»⁵⁸. Интерес к ней всегда был неизменно высок как среди историков, так и среди литераторов. Не стоит забывать, что александровская эпоха в самом деле была временем многих упущенных шансов для России: возможных отмены крепостного права, широких государственных реформ, введения конституции и народного представительства и т.д. Эта эпоха была ярким примером того, как задуманные широкие реформаторские планы постепенно измельчали и обернулись реакцией.

Более широкий мемориальный размах имела столетняя годовщина восстания декабристов. В то же время этот юбилей вновь наглядно показал остроту конфликтов памяти в эмигрантской среде. Примечателен случай, произошедший в Русском историческом обществе в Праге. На заседании в декабре 1925 г. профессор Д.Н.Вергун предложил почтить вставанием память декабристов как борцов с самодержавием. По воспоминаниям Б.Н.Лосского, озадаченный председатель Общества Е.Ф.Шмурло заметил, «что это событие к теме вечера никак не относится, но, поскольку эти слова произнесены ...встал»⁵⁹. Однако его примеру последовали не все. С.Г.Пушкарев, например, отказался и впоследствии отправил письмо на имя председателя с заявлением «о недопустимости, по его мнению, для научного О[бществ]а, каковым является Русское историческое общество в Праге, торжественного почитания памяти декабристов, приуроченного ко дню вооруженного восстания 14 декаб-

риография. М., 2000. С.442.

⁵⁸ Fatéev A. *La problème de l'individu et de l'homme d'état dans la personnalité historique d'Alexandre I, empereur de tous les Russes* // *Записки Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете. Прага, 1936. Т. III (VIII). №16. Р.139.*

⁵⁹ Лосский Б.Н. *Указ. соч.* С.58.

ря...»⁶⁰. Он заявил о невозможности проведения специального заседания в память декабристов. Но, несмотря на возникшие разногласия, это заседание в дальнейшем все же состоялось⁶¹. Дискуссия среди членов Общества продолжилась после доклада А.А.Кизеветтера «Спорные вопросы в истории декабристов», сделанного 11 января 1926 г. Тот же С.Г.Пушкарев так отозвался об этом сообщении: «Я не отрицаю личной доблести большинства декабристов и благородства их побуждений, однако политическая роль вождей вооруженного восстания 14 декабря представляется мне отрицательной»⁶². Их идеалы он называл утопическими и доказывал, что для введения конституционных и парламентских начал в России начала XIX в. еще не созрели необходимые условия. По его представлениям, декабристы выступили первыми «жрецами идола революции», который привел страну к кровавой катастрофе 1917 г. Этот пример ярко демонстрирует конфликт идей внутри эмигрантского сообщества и показывает, что даже неполитические эмигрантские организации так или иначе были вовлечены в острые идейно-политические споры.

И все же юбилей декабристов получил широкий общественный отклик. Вечером 28 декабря 1925 года в пражском «Русском доме» в честь них прошел торжественный вечер. Роль председателя взял на себя А.А.Кизеветтер. Главным докладчиком был известный литературовед М.Л.Слоним. Он критиковал александровскую Россию «с ее прогнившими учреждениями», а в заключение сказал: «Мы потомки декабристов» – и тем самым подчеркнул значимость декабристского юбилея для эмиграции⁶³. За день до этого, 27 декабря 1925 года, в парижской Сорбонне прошло аналогичное заседание, организованное Русским академическим союзом во Франции. Среди его участников были профессора Э.Оман, А.Олар, П.Н.Милоков, С.П.Мельгунов, В.А.Мякотин и М.А.Алданов. В молчании прослушали собравшиеся «Похоронный марш» Ф.Шопена, исполненный в память о декабристах⁶⁴. Эмигранты

⁶⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф.5891. Оп.1. Д.253. Л.10 об.–11.

⁶¹ См.: Цепилова В.И. *Историческая наука Русского Зарубежья: Проблемы историографии (1920–2004)*. Екатеринбург, 2005. С.77.

⁶² ГА РФ. Ф.5891. Оп.1. Д.254. Л.6.

⁶³ Торжественное заседание памяти декабристов // Руль. Берлин, 1925. №1541. 25 декабря; Лосский Б.Н. Указ. соч. С.57.

⁶⁴ 1825–1925 г.г.: Торжественное собрание в Сорбонне // Последние новости. 1925.

подчеркивали современность декабристов. А.А.Кизеветтер писал: «Не археологический интерес связан для нас со столетним юбилеем их выступления. Чествуя их память, мы чувствуем дрожание многих струн собственного сердца»⁶⁵. Восстание декабристов он относил к событиям, которые не просто вызывают волнение современников, но сохраняют «электризирующую силу» и для последующих поколений⁶⁶. М.А.Алданов, именитый писатель, тонко чувствовавший глубину исторических событий, верно заметил: «Декабристы ничего не разрушили и ничего не создали. Ценность того, что они сделали, заключается всецело в их легенде»⁶⁷. Действительно, юбилей событий 1825 года способствовал ее укреплению. Не случайно в эмигрантской среде появились десятки научных и публицистических работ, осмысливших феномен декабристов. В глазах либералов они были образцом самопожертвования во имя народного блага и борцами с произволом власти.

Однако монархические круги эмиграции по-иному восприняли столетие событий на Сенатской площади. Они расценивали подавление декабрьского выступления как победу здравого абсолютизма и законной власти над революционным безумием. Во многих православных храмах в декабре 1925 г. служились молебны в честь Николая I. Консервативная парижская газета «Возрождение», редактируемая П.Б.Струве, называла декабристов предтечами революции 1917 года. Поэтому памятные торжества парижских и пражских либералов были названы «кошунственным словоблудием». Автор редакционной статьи полагал, что если бы декабристы могли прозреть сквозь время, то перед ними непременно встал бы трагический вопрос: «Не повинны ли они в русской катастрофе», не являются ли они «соучастниками, вдохновителями и подстрекателями губительной русской смуты»?⁶⁸ Автор, правда, считал, что декабристы не виноваты в том героическом ореоле, в той легенде, которую вокруг них создали потомки. Но она вошла в историю русской интеллигенции и в неразрывно связанную с ней историю русской революции «как некая светлая путеводная звезда на фоне "темного царства"»

№1742. 27 декабря; Леонтьев Я. *Может ли подвиг быть напрасным? Юбилейные заметки о декабристах* // «Мы дышали свободой...» *Историки Русского Зарубежья о декабристах*. М., 2001. С.20.

⁶⁵ Кизеветтер А.А. *Столетие декабристов* // Руль. 1925. №1541. 25 декабря.

⁶⁶ Кизеветтер А.А. *Декабристы* // Сегодня. 1925. № 291. 25 декабря.

⁶⁷ Алданов М. *Памяти декабристов* // «Мы дышали свободой...». С.26.

⁶⁸ *Столетие декабрьского мятежа* // *Возрождение*. Париж, 1925. №208. 27 декабря.

императорской России». Автор отмечал, что эта идея жива и сегодня и что ее поддерживают те люди, для которых Российская Империя является злом, а русская революция – добром.

Обложка однодневной газеты «День русской культуры» с портретом Александра II (Харбин, 1931)

Еще сложнее было сконструировать в историческом сознании образ революционного движения второй половины XIX – начала XX века, то есть той эпохи, которая была еще зафиксирована в живой памяти эмигрантов старшего поколения. Показательно уважительное отношение русской эмиграции к А.И.Герцену. Правда, здесь их роднил, в первую очередь, общий изгнанныческий статус. Одной из форм сохранения памяти об А.И.Герцене, его общественной и журналистской деятельности стало собирание его архивных материалов, инициаторами которого выступили историки-архивисты из Русского заграничного исторического архива. Нередко в эмигрантской среде можно было наблюдать стремление противопоставить русских революционеров XIX века большевикам. В этом плане

примечательно отношение к фигуре Н.Г.Чернышевского. После 1917 года многие стали видеть в нем предтечу русской смуты, идейного вдохновителя и одного из учителей В.И.Ленина. Тем более, что последний восторженно отзывался о Н.Г.Чернышевском, хорошо знал и почитал его работы. Еще до революции широкое распространение получил апологетический взгляд на писателя, «его человеческие слабости, наивные и решительные суждения об искусстве, художественная беспомощность романа – все не замечалось или оправдывалось в свете образа подвижника-революционера»⁶⁹. Продолжателем этой линии в кругу эмигрантов был историк и литературовед Е.А.Ляцкий, который еще до революции славил-

⁶⁹ Качурин М. Чернышевский в романе Набокова «Дар» // Новый журнал. Нью-Йорк, 2003. Кн.233. С.258.

ся как крупнейший специалист по творчеству Н.Г.Чернышевского. К столетнему юбилею русского революционера ученый напечатал в Праге небольшую статью, в которой пытался реабилитировать своего героя в глазах тех, кто видел в нем предвестника русской революции⁷⁰. Он специально обратил внимание, что именно Н.Г.Чернышевский одним из первых в Европе опровергал постулаты социального дарвинизма, иначе говоря, доказывал, что классовая борьба вовсе не является обязательным условием прогресса и достижения социальной справедливости. В глазах читающей публики Зарубежной России, которая на себе успела ощутить, что такое классовая борьба по-большевистски, такое замечание стало принципиально важным.

Иная позиция была отражена в известном романе В.В.Набокова «Дар» (1937), в котором устами главного героя писатель выразил негативную оценку Н.Г.Чернышевского. В.В.Набоков обращался к нему как к самой крупной фигуре в революционном движении второй половины XIX века и через призму его судьбы пытался понять истоки революционных потрясений XX столетия. Приговор молодого русского литератора звучал столь сурово, что редакция журнала «Современные записки» при первой публикации романа опустила четвертую главу, которая как раз была посвящена творчеству Н.Г.Чернышевского.

Еще более мозаичной была структура воспоминаний о недавнем прошлом. Оно еще не воспринималось значительной частью эмигрантов как история, ибо было непосредственно зафиксировано в памяти. М.Хальбвакс делал вывод об особом восприятии человеком новейшей истории. Он расценивал ее как эпоху, которая зафиксирована в его живых воспоминаниях. Эти воспоминания являются прямым отражением пережитого опыта⁷¹. Отношение эмигрантов к недавнему прошлому было неоднозначным. И эту неоднозначность можно объяснить тяжестью воспоминаний, которые навевали им мысли о потерянной Родине и о тех трагических событиях, которые им пришлось пережить. С одной стороны, налицо было желание найти истоки произошедшей исторической катастрофы, но, с другой стороны, воспоминания о недавних событиях травмировали душу и поэтому о них нередко желали забыть. Свою книгу воспоминаний А.А.Кизеветтер заканчивал рассказом о том, как летом 1914 года на даче близ Можайска он встретил известие о начале

⁷⁰ Ляцкий Е.А. Н.Г.Чернышевский (К столетней годовщине со дня рождения) // Русская школа за рубежом. Прага, 1927/1928. №29–30.

⁷¹ Хальбвакс М. Указ. соч. С.22.

Первой мировой войны: «Но для описания того, что пришлось пережить за время войны и революции, потребовалась бы книга много больше той, которую я решаюсь предложить теперь вниманию читателей. Да и трудно было бы писать сейчас такую книгу. Тяжело берeditь незакрывшиеся раны»⁷². Мемуары о жизни в Советской России историк написал, но так и не издал.

* * *

Историческое сознание представляло собой важную составляющую часть самосознания русской диаспоры. Сами эмигранты были носителями ментальных стереотипов. Они задавали прошлому те вопросы, которые волновали их сегодня. Данная черта не была специфической особенностью интеллектуальной культуры русской эмиграции. Знаменитый историк А.Я.Гуревич подчеркивал, что «историческое познание есть не что иное, как пытлиное, настойчивое и неустанное вопрошание современностью прошлого, то есть постановка вопросов, волнующих нас, ныне живущих людей»⁷³. Это отчетливо видно на примере обращения к истории императорской России, сквозь которую красной нитью протягивалась тема русской революции.

Противоречивые оценки прошлого часто являлись результатом переноса на эмигрантскую почву старых идейных споров, например дискуссий между консерваторами и либералами. Но дискуссии эти приобрели новое звучание, наполнились новым смыслом. Переосмысление исторического опыта России было вызвано стремлением осознать переломные события российской и мировой истории. Но не следует забывать, что 1920–1930-е годы ознаменовались в жизни Европы колоссальными идеологическими подвижками. Произошел необычайный рост национал-патриотических настроений. Как отметил Н.И.Шестов, в массовом сознании европейцев распространялись националистические мифы «крови и почвы», происходила героизация насилия и поиски мифических предков для доказательства своей этнической исключительности. Иначе говоря, произошел взрыв «ирра-

⁷² Кизеветтер А.А. *На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914*. Прага, 1929. С.523–524.

⁷³ Гуревич А.Я. *Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии*. 1988. №1. С.59.

циональных мотиваций политического мышления и поведения масс и политической элиты»⁷⁴.

Поэтому эмигрантская среда стала благодатной почвой для зарождения и развития разнообразных политических мифов. Их базовой основой почти всегда становилась отечественная история, в которой пытались найти ответы на злободневные современные вопросы. Значительная часть изгнанников вполне осознанно участвовала в создании этих мифов, желая обосновать особую эмигрантскую идентичность и попытаться сконструировать идеальное прошлое и будущее. Таким образом, диаспора создавала новый образ истории своей потерянной родины и особую культуру памяти о прошлом. Такую культуру, которая могла бы удовлетворить многочисленных изгнанников и объединить их.

⁷⁴ Шестов Н.И. *Политический миф теперь и прежде*. М., 2005. С.16.